

Путь сквозь хаос

Сегодня кризис верхов и недовольство низов, сопровождаемые почти осязаемым предчувствием краха, эфемерности и зыбкости существующего положения вещей, не могут не напомнить вязкую, тревожную и безрадостную атмосферу 1910-х годов, знакомую нам по книгам и фильмам. Но бессмысленно не только ждать появления большевиков, но и самим стремиться стать большевиками образца 1914 или 1917 года, бесперспективно сегодня создавать марксистские кружки и партийные ячейки по модели тех лет.

Давно сказано, что анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны, и увидеть сущностные черты сегодняшнего дня можно, только проследив мысленно их развитие в будущем. Но как это сделать, не гадая, а опираясь на объективные факты? Тут велика привлекательность, но одновременно и опасность исторических аналогий. В истории несложно найти ситуации, подобные настоящему моменту. Да, в России сегодня верхи совершенно очевидно «не могут», а низы совершенно точно «не хотят». Есть кризис и в верхах, и в низах, есть волнения, есть амбиции и стремления различных политических сил. Мы живем в обществе, ощущающем себя накануне катастрофы, в обществе, где медленно и мучительно (слишком медленно и слишком мучительно) зревают силы, способные обеспечить его возрождение. Мы живем в период наступления хаоса, мы замерли в отчаянной надежде миновать его.

Похоже на начало XX века? Похоже в целом, но не настолько, чтобы использовать предреволюционную ситуацию 1916-17 годов как своего рода имитационную модель для анализа сегодняшних социально-политических процессов. Мы можем зафиксировать революционность ситуации, можем предсказать, опираясь на опыт прошлого, что нашу страну ждут долгие и тяжелые испытания. Мы можем, пожалуй, предсказать те или иные варианты эволюции различных политических сил – националистов, либералов, социал-демократов, левых всех оттенков и вариаций. Но это будут именно варианты возможного развития сложившегося расклада политических сил. Рекомендации для собственной тактики почерпнуть в прошлом мы не сможем. Сегодня левым нужно не примерять мантии, парики или кожанки, а находить исторически конкретные, адекватные моменту формы реализации своих политических принципов.

Не было просто меньшевиков, большевиков или кадетов. Были Мартов, Ленин, Милюков. Они выражали объективное требование истории, но субъектами, личностями не переставали быть от этого. Поэтому в историю они вошли как личности, а не просто как «типичные представители». Типичность видят те, кто изучает Историю, действуют же в ней как раз нетипичные. История похожа на самодеятельный театр, в котором играют не те, кто подходит для каждой роли идеально, а те, кто есть в наличии, даже те, кто вовремя попал-

ся под руку. Но бывают и блестящие попадания. История – это еще и постоянно действующий ученический театр. Вместо двоек там, правда, гильотина или пуля, хотя и часто вместо «пятерок» тоже. Отчисление из этого учебного центра – забвение, презрение потомков.

И мы все, пока живы и действуем – не типичны, мы должны принимать решения в конкретных, а потому уникальных обстоятельствах. Нас потом классифицируют, если мы будем того достойны. Ведь для того, чтобы даже злодеями и неудачниками в историю войти, нужно постараться. А хочется войти в нее героями и победителями.

Что роднит наше время с эпохами упадка, канунами великих потрясений, с периодами мучительного ожидания перемен, необходимых как глоток воздуха и в то же время пугающих? Во все такие периоды вплотную к обществу подбирается опасность хаоса, который становится реальностью значительно раньше, чем начинаются потрясения и перемены.

Сложность и уникальность сегодняшнего периода российской и мировой истории в том, что очевидное разрушение неolibеральной модели происходит в условиях упадка социального государства, разложения институтов, которые были созданы для «улучшения» капитализма, смягчения логики капитала за счет перераспределительной политики. Система регулирования, опиравшаяся на идеи Дж. М. Кейнса, стремилась скорректировать последствия капиталистического развития, не разрешая его базовых, генетических противоречий. Это, как человек-амфибия у Беяева, – проект был технически удачен, но трагичен, поскольку не имел будуще-

го в условиях «сухопутной» истории человечества.

Кейнсианство на Западе развивалось параллельно с существованием советской системы, выступавшей в качестве альтернативы капитализму, а бюрократизация, упадок и последующее крушение СССР дали толчок к началу демонтажа этой модели. Оба варианта социального государства XX века — советское и западное — потерпели поражение.

СССР выполнил запрос на индустриализацию, экономическое и социокультурное развитие, сформулированный в 1910-х годах, обеспечил невиданную до того времени социальную мобильность, вовлечение людей в экономическое и культурное строительство. Развиваясь по логике социально-экономического прорыва, заданной Октябрьской революцией, СССР решил основные ее задачи и выдохся, не в силах справиться с теми задачами, которые поставил своим же собственным развитием. Сегодня формулируется запрос на тип общественных отношений, который не смогла обеспечить ни советская, ни кейнсианская модель.

Социал-демократическое регулирование рынка было направлено на то, чтобы стимулировать спрос, подталкивать экономическое развитие, реализовав «поверх» логики капитала социальные цели, заботясь о сохранении и воспроизводстве общества как целостности. При этом стратегическая цель капиталистического производства не подвергалась сомнению. Предлагалась только корректировка в той части, где безудержное стремление к прибыли бьет по самому капитализму, сокращая спрос, уничтожая невозпроизводимые ресурсы, подрыва-

вая основу для воспроизводства трудового и социального потенциала. В этом и заключалось родовое, системное противоречие идеи управляемого рынка — соединение и институциональное оформление противоположных, антагонистических целей, сведение в одной экономической системе механизмов, реализующих частнособственнические и общественные интересы. Институты кейнсианского регулирования экономики были необходимы потому, что сама капиталистическая система, следуя своей внутренней логике и цели, общество не поддерживает и не развивает, а разрушает. И сохранение этой логики, в конце концов, ударило по самим институтам экономического регулирования.

Ударило снаружи, сопротивлением со стороны крупного капитала расширению социального государства, лоббированием демонтажа регулирующих механизмов. Неoliberalизм стал идеологией такого демонтажа, начавшегося в 1970-х годах в странах капиталистического центра.

Ударило изнутри привнесением в институты социального государства частнособственнических целей и интересов, коммерциализируя институты социального государства, институты государственного регулирования. Механизмы перераспределения, созданные для решения социальных проблем, все больше приспосабливались коммерческими структурами для уменьшения рыночных рисков, для смягчения последствий экономических кризисов. Появился феномен «социализации убытков», когда частнособственнический характер присвоения остался, но корпорации получили возможность покрывать убытки за счет средств обществен-

ного сектора. Коммерциализация образования и медицины не только снизила эффективность работы этих секторов, но и создала дефицит соответствующих услуг и структур даже с точки зрения капитала. Корпорации как работодатели, например, периодически выражают недовольство уровнем подготовки кадров в системе образования; рост заболеваемости и смертности подрывает трудовой потенциал; кризис системы дошкольного образования затрудняет использование женской рабочей силы и т.п.

Неукротенная капиталистическая сущность воспользовалась кейнсианством для того, чтобы окрепнуть, оправиться от потрясений первых десятилетий XX века, и стала пожирать те самые институты, которые были созданы для ее сдерживания и, в конечном счете, для спасения самого капитализма. Капитализм устойчиво и крайне эффективно пилит последние 30-40 лет сук, на котором сам же и расцвел. Неoliberalная экономическая теория, воспользовавшись крахом советского «реального социализма» по-своему устранила теоретические противоречия кейнсианства, вернув нас на новом уровне в исходное состояние — к тем же проблемам, которые пыталась решить система государственного регулирования и которые идеологи капитала попросту отказываются признавать.

Неoliberalизм по-своему логичней кейнсианства, последовательнее, задачи его однозначны и не противоречивы. Внутреннее противоречие присуще neoliberalизму как политической практике, когда он, расчищая всячески свободу капиталу, вынужден ограничивать свободу общества в целом, обеспечивая реализацию только капиталистического, частного по сути

интереса. По политическим задачам неоллиберализм, как ни странно, похож на кейнсианство, несмотря на их принципиальные различия в части социальных и экономических задач, в методологии и методике социально-экономического анализа и строительства. Но неоллиберализм, так же, как и концепции управляемого рынка, стремится сохранить капиталистические отношения и капитализм как общественный строй, создав для этого институциональные условия.

Социальное государство XX века разрушено, но победивший его «свободный капитализм» уничтожает сам себя, запуская механизм самовоспроизводящегося системного кризиса. Общество оказывается в тупике.

Системность кризиса означает разрушение связи между элементами, разрушение механизмов воспроизводства этих связей. Отдельные элементы и структуры можно починить, мобилизовав на починку здоровые элементы системы, если сохранена ее логика, и действуют механизмы взаимодействия между элементами. Но если уже произошли сбои в системных связях, то такая починка невозможна. И как раз тогда и подступает хаос, когда попытки починить элементы системы делаются в логике старых связей, сбои становятся неуправляемыми и непредсказуемыми, поскольку разрушения элементов разные по масштабам и содержанию. Старый порядок, воплощенный в системном взаимодействии элементов, изжил себя, но он продолжает функционировать, разрушая общество в целом. Хаос и есть такая непредсказуемость результатов действий, выстроенных по прежней логике, в условиях, когда эта логика потеряла свою объективную основу и просто

не работает. Результаты не вписываются в прежнюю систему логически, но «встраиваются» туда силой социальными силами, боящимися перемен. В результате такой силовой «адаптации» противоречивых и антагонистических элементов в прежней, устаревшей и не работающей логике возникают новые, системные противоречия, поскольку эти новые, насильственно слепленные элементы не могут быть помещены в одну структуру взаимодействий так, чтобы эта структура бесконфликтно воспроизводилась.

Социальный хаос – это не природная стихия, сметающая на своем пути все, что построил человек, это сбой во взаимодействии самих людей между собой и обществом, накопление «странных» и неадекватных действий до критической массы. Наводнение смывает город, извержение вулкана сжигает людей и поселения, ураган сметает жилища с лица земли. Природное уничтожает социальное, а социальная стихия придает социальному бытию новое содержание, неподвластное старому порядку, что и создает хаос. Люди противостоят друг другу, и не только друг другу, но и себе прежним, связанным с прежними условиями и привычками жизни. Хаос поглощает порядок, создавая новые мотивации, новые вызовы и – через миллиарды частных решений и поступков – новый порядок. Социальный хаос – это временное и содержательное рассогласование субъективного и объективного факторов истории.

Сегодня в России мы видим социальных монстров, порожденных отчаянными попытками победить хаос, борясь с его последствиями, игнорируя причины. Политическая беспо-

мощность протестов после выборов в Госдуму и причудливые политические альянсы, очевидная трудность для многих сегодняшних персонажей в определении собственной политической «масти», эклектичность партийных программ и противоречивость заявлений лидеров – симптомы надвигающегося хаоса. Так же, как и заявления о социальной модернизации и инновационном развитии на фоне распространения модели дешевого труда и суженного воспроизводства трудового потенциала.

Последствия решения отдельных проблем в условиях системного кризиса: бюрократизация социальной сферы вследствие ее коммерциализации, рост государственных расходов одновременно с сокращением социальных обязательств государства, потеря управляемости на всех уровнях при росте бюрократического аппарата, сокращение каналов социальной мобильности при сохраняющихся высоких социальных притязаниях в обществе. Сюда же отнесем притязание на международное или хотя бы региональное лидерство при сохранении социальной политики, обуславливающей деградацию трудового и социально-культурного потенциала общества.

Симптомом хаоса является, как это ни странно, и попытка «подчинить время», меняя часовые пояса и отменяя «зимнее время». Это решение Президента, к слову, привлекло гораздо больше внимания, вызвало больше недовольства и раздражения, чем, например, вступление России в ВТО, чреватое куда большими проблемами для нашей страны и всех нас, чем сдвинутое на час время. Но так противно вставать в темноте! Пресловутое «летнее время», остав-

ленное прихотью Президента в зиму, превратилось в своего рода образ, через который люди стали воспринимать действия власти как бессмысленные попытки нарушить естественный ход вещей, удлинняя время тьмы и увеличивая хаос. Появилась даже своего рода негативная самоидентификация, основанная на противопоставлении «тех, кто должен рано, в темноте, вставать на работу» и «тех, кто может спать, пока не рассветет».

Можно подумать, что именно этот лишний темный час сплавил неясное беспокойство, глухое недовольство, раздражение и отчаяние отдельных индивидов в одно вполне оформившееся сегодня социальное явление – коллективное предчувствие хаоса.

Сегодня разрушается система, возникшая в 2000-е как попытка спасения от распада экономики и общества. Система, адаптировавшая уцелевшие в 90-е элементы советского социального государства в качестве «подушек безопасности». Нынешний коллапс показывает, как бегство от хаоса девяностых годов при сохранении их генеральных тенденций тотальной коммерциализации и подчинения цели общественного производства логике капитала породило новый, более масштабный и очевидный хаос. Эта система была попыткой соединить несоединимое и держалась до тех пор, пока советские структуры не были подточены, а рыночные не набрали силенок и не подмяли под себя государство окончательно. Противоположные по целям и принципам развития социальные механизмы и институты развивались, пока противоречия не лишили систему способности воспроизводиться и развиваться. В сущности, Россия в сжатые сроки наглядно доказала ограниченность

и бесперспективность кейнсианской модели консервации хаоса, пройдя за 12 лет путь, который развитые капиталистические страны прошли примерно за полвека.

Анализ актуальных проблем России и мира показывает, что сегодня консолидация социальных сил, способных осуществить адекватные преобразования в обществе, возможна только вокруг идеи демократического социального государства. Ретроспективный социально-исторический анализ заставляет констатировать исчерпанность модели социального государства **внутри** капитализма. Социальное государство, работающее как механизм перераспределения богатства поверх рынка, рано или поздно приходит в противоречие с основной целью капиталистического производства и начинает стагнировать, а потом и разрушаться как внешними по отношению к нему рыночными силами, так и внутренними противоречиями.

Чем конкретно сегодня определяется степень радикальности тех или иных преобразований? Каково их содержание? Например, требование остановки неолиберальных реформ в социальной сфере России – разве оно радикально? Никакой альтернативы, вроде бы, не предлагается, никакого ниспровержения основ даже не декларируется. Однако сегодня это требование само по себе, не говоря уж о действиях, необходимых для его реализации, означает жесткое противостояние власти. Российские неолиберальные реформы – не просто набор мер по «оптимизации управления» учреждениями социальной сферы, это – последовательное сокращение социальных прав и га-

рантий, осуществляемое де-факто и оформленное де-юре в законе ФЗ-83. По отношению к завоеваниям советского периода, оплаченным миллионами прерванных жизней и сломанных судеб, это и есть чистая контрреволюция. И сопровождается она, как положено контрреволюции, социально-экономической, культурной, политической и моральной деградацией общества.

Сегодня необходимо восстановление и укрепление социального государства на качественно новом уровне развития. Необходимо превращение его из вспомогательного инструмента перераспределения ресурсов и смягчения последствий функционирования экономики, не ориентированной непосредственно на удовлетворение подлинно человеческих потребностей, в основной механизм воспроизводства общества и развития личности, институциональную и структурную основу экономики. Такое социальное государство предполагает не просто поддержку широких слоев населения, а вовлечение больших масс людей в активную деятельность политического, экономического и культурного строительства. И только такое социальное государство не просто действительно нуждается в подлинной демократии, но и способно ее обеспечить. Строительство социального государства нового типа максимально отвечает интересам большинства трудящихся и в то же время требует радикальных общественных преобразований, несовместимых с существующей сегодня системой. И это – единственная возможность создания лучшего будущего в подвигающемся к нам вплотную хаосу.

Сегодня вновь актуальна мысль

Энгельса, которую очень любил Ленин: чтобы реализовать умеренную программу, революция должна стремиться к самым радикальным преобразованиям. Эта идея должна стать центральной в формировании политического курса, восприниматься как своего рода закон политической стратегии революции.

Однако именно окончательный слом системы, именно революция как решительная и принципиальная трансформация общества, сегодня еще воспринимается российским массовым сознанием как крушение порядка и катастрофа, хотя это есть последний и единственный способ упорядочивания событий и элементов на качественно новом уровне. Страх хаоса способен породить новый хаос, усиливая консервативные тенденции в ситуации, когда консерватизм неизбежно означает регресс.

Политические силы, способные сегодня бороться за новое социальное государство, – это левые, социалистические силы. Но им придется вступить в борьбу не только с системой, но и с робостью, с предрассудками тех, кто объективно является их социальной базой. Путь к преобразованию общества лежит через преодоление хаоса – не только в социальной реальности, но и в головах людей.

Революция насильно создает новое согласование, просто разбивая старый порядок, чтобы он уже не мог стать основой действий, ориентиром, базой мотиваций. Создается новый объективный фактор, а субъективный к нему уже подстраивается, стихийно или насильно, или сознательно. Но за шумом своих испуганных голосов и треском рушащихся структур мы должны услышать тихое «тик-так» нового времени.